

Роман Малышев

18+

П Е Р В Ы Й

сборник
влажных
историй

Роман Малышев

**Первый. Сборник
влажных историй**

«Издательские решения»

Мальшев Р.

Первый. Сборник влажных историй / Р. Мальшев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-640582-0

«Первый» — это срез жизни автора, который прожил больше, чем положено, и не стесняется об этом рассказать. Дневники, маршруты, мысли на полях и тела на диване — найдёте всё и даже больше. Без фильтров и прикрас. Приятного чтения! Если готовы к откровенному разговору. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-640582-0

© Мальшев Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Дневники 2006	7
Лето	9
Сон	11
Весна столичная	13
Странная неделя	15
Стамбул	17
В поисках британского форта	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Первый Сборник влажных историй

Роман Малышев

Редактор Дарья Шубина

© Роман Малышев, 2025

ISBN 978-5-0064-0582-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Здравствуй, дорогой читатель! Благодарю тебя за то, что из всех дел и развлечений ты выбрал «Первый». Это мой литературный дебют, много сил и времени в него вложено, и оттого приятно вдвойне, что книга вызвала у тебя интерес. Это ее второе издание, значительно улучшенное и основательно дополненное. Здесь собраны мои дневниковые записи студенческих лет, заметки о путешествиях по шокирующей Азии (и не только), статья для журнала, размышления о серфинге, биографический очерк «Человек, который что-то понял», нашумевший боевик «Тропические привычки», нуарный саспенс «Ледовая мистерия» и много чего другого, что, я надеюсь, доставит тебе эстетическое удовольствие, расскажет что-то новое, интересное, вдохновит и, возможно, даже повеселит тебя. Для того я и сделал этот сборник, чтобы принести свет и теплоту, а заодно развлечь тебя историями и искрометными зарисовками бытия. Ведь если не выпускать их на волю, им становится грустно в черепашке. Они киснут и истлевают, так и оставшись нерасказанными. Зачем же добру пропадать?

Сколько себя помню, всегда тянуло что-то писать: дневники, наблюдения за аквариумом, письма девочкам. Много писем. Очень много. В разные города и страны, на разных языках. Помню, кто-то писал в ответ: «Ром, да тебе надо быть писателем!». Всегда приятно было получать такие отклики, но всерьез их не воспринимал. Тем не менее, со временем само так вышло, что писательство в самом широком смысле слова стало естественной частью жизни. Оглядываясь сейчас в прошлое, кажется, что иначе и быть не могло: гуманитарная специальность, вдохновляющий пример японских постмодернистов, эмо-рок, душевная и физическая боль, захватывающая карьера. И все это – на фоне петербургского снобизма. Чем больше пишешь, тем больше видишь. Чем больше видишь, тем больше хочется писать еще. И так до бесконечности. Но это сейчас. А что же было раньше?

Целенаправленно писать я сел только в начале 2006 года. Четвертый курс университета, время серьезных потрясений. Через месяц я впервые в жизни полечу в Японию – страну, сделавшую меня мной. Еще через два – выпуск и новое начало. Как тут без лирических переживаний. Несколько позже мне подарили красивый ежедневник. Поначалу он лежал без дела, а затем я взял его с полки и начал наполнять какими-то размышлениями, брал с собой в путешествия и что-то калякал там, где придется. Например, «Токийская ностальгия» и «В поисках британского форта» так и были написаны, буквально на коленке.

Тексты расположены в хронологическом порядке от ранних к самым недавним, раскрывая перед тобой полотно моих настроений за восемнадцать лет. Начать можешь где угодно и как угодно продолжить. В любом случае, ты увидишь, как менялся мой внутренний мир и стиль.

Читатели говорят, что тут есть над чем посмеяться, ахнуть и даже погрустить. Но только чуть-чуть, исключительно для профилактики, ведь без грусти невозможно познать счастье.

Дневники 2006

7 марта

Я взялся писать дневник. Не знаю, для чего вообще это делаю. Нельзя сказать, что в жизни происходит столько всего, о чем можно постоянно писать. Но все-таки бывают моменты, когда хочется выпустить чувства наружу, открыть форточку внутри себя, чтобы переживания выпорхнули весенними голубями и скрылись в ультрамариновом небе. Порой бывает нестерпимо сложно держать всю эту душевную накипь, она терзает изнутри, как паразит, медленно пожирающий тело. Как смертельная болезнь. Поэтому я не нашел ничего умнее кроме как описывать чувства и надежды.

Идея эта, надо сказать, далеко не оригинальная. Прямо сейчас сижу и нутром чувствую, как миллионы таких, как я, сидят перед мониторами и ловкими движениями пальцев вводят в компьютер то, о чем им не с кем поговорить. О чем они боятся или просто стесняются кому-либо сказать. Я один из них. Я один из этой огромной армии людей, которым ночью не уснуть от обуревающего потока мыслей; людей, в чьи сновидения проникают эмоции окружающего мира и беспощадно опустошают их изнутри. Иногда мне кажется, что я знаю всех этих людей, а их лица проплывают передо мной по утрам, когда я смотрю в зеркало не проснувшимися глазами.

Брайан Молко поет мне: «Someone call the ambulance – there's gonna be an accident!»¹. Видимо, он один из нас. Но в такой ситуации скорая помощь вряд ли чем-то поможет.

13 марта

Сегодня был настоящий мартовский день. Ярко светило солнце, дул студень балтийский ветер, хоть и не сильный совсем. На улице шумно возились воробьи, во весь голос крича о приходе весны. Я шел по улице и смотрел на все это. Кое-где снег начал уже подтаивать, беспощадно оголяя всю грязь и мусор зимы. Горы мертвого, покрытого копотью снега были богато украшены сотнями окурков. Выглядело это так, словно тучи вредителей облепили несчастные растения.

Я шел и делал первые вдохи весны. Несмотря на то, что вместе с весенним воздухом я вдыхал массу дорожной пыли, выхлопы и смеси тяжелых металлов, в душе я радовался. Я радовался солнцу, радовался жизни, радовался веселому курлыканью голубей, вальяжно прогуливающих по дорожке около церкви. Редкими порывами ветер бил в лицо, выдавливая из глаз капельки влаги, но и этому я радовался тоже. Ведь это ветер весны. Весна... Моя душа наконец-то начала оттаивать.

16 марта

Был вечер. На часах около половины восьмого. Я бессмысленно лежал на диване в углу комнаты. Голова была пуста от мыслей, а взгляд перескакивал с одного предмета на другой с интервалом секунд в пятнадцать. Вот кресло, огромная пальма в горшке, подставка для дисков, монитор, статуэтка орла на книжной полке. Все они – мои спутники, покрытые тонким слоем пыли будничной жизни.

Неожиданно взгляд устремился в окно. Безоблачное мартовское небо было цвета бледной кожи. Оно было идеально: ни единого даже самого маленького облака. Вдруг показалась

---

¹ Кто-нибудь, вызовите скорую – сейчас что-то случится! (англ.) – *Здесь и далее перевод автора.*

крошечная фигурка самолета, пролетающего где-то на очень большой высоте. Самолет был еле различим, но яркий свет алого солнца очерчивал его на фоне всепоглощающего вечернего неба.

Самолет летел вслед за солнцем, куда-то на запад. За ним тянулся длинный шлейф. Гаснущее солнце подчеркивало и его на уставшем небе. Мне это напомнило ножевой порез на бледной коже, из которого сочилась начавшая свертываться кровь.

Самолет беспощадно взрезал холодное небо, и прошло лишь несколько мгновений, как он скрылся из вида, даже не подумав взять меня с собой.

30 декабря

С того дня, когда я сделал последнюю запись в этом дневнике, прошло много времени. Было много нового: новые люди, новые места, новые страны и города. С кем-то пришлось расстаться и какие-то места покинуть, но взамен всегда открываются новые двери.

Было множество новых чувств – радостных и не очень. Живя такой жизнью, приятно бывает иногда вот так оглянуться в прошлое, с ностальгией вспомнить что-то, в очередной раз пожалеть о том, что было сделано не так, вспомнить какие-нибудь яркие события и поучительные ситуации. В этом всем и есть быстротечность бытия.

Конечно, печально осознавать, насколько она коротка, но куда нам от этого не уйти. Но когда есть возможность заниматься именно тем, что нравится, и ты занимаешься этим, бренность и скоротечность бытия переносятся как-то легче, что ли.

Завтра наступает новый 2007 год. Двадцать первый год моей жизни. Что он принесет мне? Неизвестно. Остается только надеяться, что он будет гораздо лучше, чем год минувший. В жизненный период, когда не знаешь, куда в будущем приведет тебя дорога судьбы, с предвкушением и в то же время с опаской встречаешь каждый новый год. Период абсолютной неизвестности. Неизвестность эта возбуждает и одновременно заставляет задумываться. Где я буду через десять лет? Кем я буду через десять лет? Ясно одно – я во власти времени.

Санкт-Петербург, 2006

Лето

Лето – поистине особенное время года. Каждый раз оно напоминает о лете прошлом, приносит что-то свое, настоящее, и дарит надежды на будущее, многое при этом меняя. В основном в лучшую сторону, конечно.

Лето всегда долгожданно... А о том, как долгожданно оно в наших северных широтах, даже не приходится говорить. Оно врывается в жизни людей, изможденных перманентной серостью свинцового неба, грубым балтийским ветром и авитаминозом, принося с собой целый букет звуков, запахов и картинок, гармонично будоражащих рецепторы всех органов чувств одновременно, да.

Лето – это пряный запах цветущей сирени и черемухи, терпкий запах свежеложенного асфальта, сладкие и свежие запахи фруктовых лавок и женских духов, освежающий запах моря, издали узнаваемый запах шашлыка на финальной стадии приготовления, затхлый, кислый запах подземных переходов и парадных и много-много других специфических запахов, характерных исключительно для улиц Петербурга, да.

Лето (особенно лето в Петербурге) – это пешком по барам в ночь с пятницы на понедельник. Ночи, кстати, белые, теплые, припудренные вездесущим тополиным пухом, озвученные шелестом шин. Особый шик – попасть на мосты. Надо где-то зависать, и этот факт приколен, да.

Лето – это бегом на последний поезд метро. При этом на него обязательно нужно опоздать, чтобы была уважительная причина вернуться в душевную, веселую компанию, которую с таким трудом пришлось покинуть. Все потому, что «этой ночью мне обязательно нужно выспаться дома, потому что завтра сначала одно, потом другое, потом третье и вообще – сколько можно». Но тщетно. Так что можно расслабиться и получать удовольствие, а в понедельник утром вновь извиняться перед организмом за нарушенное обещание, да.

Лето – это когда дома из еды только черешня, абрикосы, полпакета просроченного молока и десяток яиц. Приятного аппетита!

Лето – это люди: менты, хавающие шаверму на Сенной, миловидные девочки с картинок, дефилирующие по центру быдлостанцы в пляжных шортах и шлепках, сладкие парочки на спусках к воде, ошалевшие туристы, не понимающие, куда податься в нескончаемой толчее на Невском, бездельники-кришнаиты, нервные, заживо сваренные пассажиры наземного транспорта и автомобилисты в своих колесницах, показушники-мотоциклисты в Абрикосове, «красотки» у магазинов, разномастные фрики и много всевозможного прочего люда, высыпавшего на улицы из своих берлог после продолжительной зимней спячки, да.

Лето – это двухнедельный принудительный курс моржевания. Полезное мероприятие: тело бодрит и сознание проясняет.

Лето – это вино, текила, пиво, ром и коньяк. Смешать, но не взбалтывать. Плюс к этому замечательный коктейль Боярский. Нет, все, конечно же, по отдельности, в нормированных количествах. Главное – без тяжких последствий освоить их, эти самые нормированные количества.

Отмечу, что водка летом идет как-то совсем уж плохо... Особенно теплая, особенно на утро, особенно в жару, особенно под шоколадку в качестве закуски. А вот коньяк с лимончиком очень даже хорошо, замечательно идет! Это поистине летний напиток, да.

Лето – это глубокие стоны соседей сверху. Теперь их кровать скачет не только по выходным. В будни тоже. Оно и понятно: дедушка уехал на дачу, любезно предоставив хату. Ох уж эти соседи... Да...

А еще лето – это совершенно бесполезно носить с собой несколько дней подряд зонт. Просто «на всякий случай». А то вдруг дождь, синоптики же предупреждают. Потом забыть его именно в тот день, когда на землю обрушивается настоящий ливень, и вымокнуть до нитки, да.

Все эти явления столь же привычны, сколь и причудливы, и не могут ассоциироваться ни с чем иным кроме как с летом на берегах Невы. Чудес этих великое множество. Особенно хочется отметить, что лето – это, конечно же, музыка. Это песни старые, которые напоминают о летах прошлых, и песни новые, которые будут напоминать об этом лете следующими летами.

Питерское лето – это, среди прочего, Стереолето. Так называется серия концертов различных исполнителей и коллективов – российских и иностранных, – проходящая в период с мая по июнь на нескольких площадках. Главное действие разворачивается в середине июня в совершенно замечательном месте – на Елагином острове, вблизи Елагина дворца.

В этот раз организаторы шоу порадовали публику на славу. Мало того, что хэдлайнером пригласили британскую группу Mogcheeba в оригинальном составе, так еще на разогреве выступал Мистер Трололо – Эдуард Хиль, ставший вдруг вновь популярным благодаря интернету.

Выходя на станции метро Крестовский остров и пройдя минут десять, вы оказываетесь на лесном острове посреди пыльного душного города. От водной глади и густых крон деревьев веет освежающей прохладой, ненавязчивые крики чаек ласкают слух, а лицо приятно обдувает морской ветер. В этот пятничный вечер он как-то по-особому спокоен и мягок.

Вездесущий тополиный пух так и норовит забраться в нос, приземляется на волосы и одежду. То там, то тут небольшими стайками пасутся выглаженные менты и быки-омоновцы, ленивым серым глазом косящиеся на пати-пипл. А те уверенно идут к источнику вкусного гитарного баса. Скоро начнется, совсем скоро!

На обычных, даже крупных концертах мировых и местных звезд не увидишь такого разнообразия и своеобразия типажей, какой можно наблюдать на Стереолете. Тут и горы дрэдов и пирсинга, и уличные интеллектуалы. Или те, кто очень старается быть на них похожими.

Есть и малолетки, словно оказавшиеся тут совершенно случайно, по ошибке, и аккуратные девочки с легким налетом гламура. Чтобы с такой познакомиться, не помешает принять грамм пятьдесят-сто коньяка. Необязательно, но так будет лучше. Еще есть эмо-фотографы, клиенты СК и TopShop, и много-много других, красочных и не очень, красивых и не очень людей. При этом все они не как везде. Все они выглядят как-то особенно колоритно. Потому что здесь и сейчас.

Пауза после разогрева затянулась. И вот, наконец, что-то начинает происходить. Инициативу берет перкуссия, затем диджей угощает всех парой смачных скретчей, после чего в дело вступают ударные. Раздается объемный, насквозь пронизывающий звук гитар. Играет свет прожекторов, безнадежно теряясь в воздухе белой ночи. Неторопливо поднявшись на сцену, Скай Эдвардс встречает публику ослепительной полоской безупречно белых зубов, звучит ее мягкий голос.

Представление начинается, да!

Санкт-Петербург, 2010

Сон

Сегодня увидел довольно странный сон. Довольно странный – это даже слабо сказано, потому что таких снов я раньше не видел вообще никогда. Даже удивился, что может присниться подобное.

Действие начиналось в каком-то непонятном глухом лесу. Я очнулся, лежа во влажной от дождя траве. Вокруг ни души. В густых кронах деревьев пели птицы, а теплый ветерок мягко шелестел листьями. Прогретый воздух был тяжелым и влажным, как это обычно бывает после ливня в жаркий летний день. Я встал и оглянулся по сторонам. Никакой дороги или хотя бы тропинки поблизости видно не было. «Как я вообще тут оказался?» – подумал я и пошел туда, куда повели ноги.

Надо сказать, что лес был очень красивый и величественный. Я никогда такого не видел. Разве что в фильмах Би-Би-Си о живой природе. Трава была очень высокая, сочная. Где-то вдалеке стучал по дереву дятел, и ласковый ветер разносил этот размеренный стук по округе. Вдруг прямо под ногами прополз уж. Я шел и оглядывался, пытаюсь понять, что это все-таки за место. Но это мне никак не удавалось. Сон все-таки, что тут поделаешь. В снах обычно так и бывает: либо точно знаешь, где разворачиваются события, либо нет.

Видимо, в моем сне совсем не играло никакой роли местоположение. Я шел, а взгляд скользил вверх по могучим стволам деревьев. Они уходили высоко в голубое небо, его обрывки виднелись сквозь крону.

На кусте я вдруг увидел паутину. Это была не просто неряшливая и непонятным образом сплетенная паутина, которая обычно встречается на дачах. Эта паутина была аккуратная и красивая, совсем как на картинке. Капли дождя повисли на ней кристалликами, сверкающими на солнце. Но хозяина этого творения поблизости видно не было. Похоже, он забрался куда-то в гущу куста, чтобы укрыться от дождя, и еще не выполз наружу.

Рядом лежал огромный камень, поросший тонким слоем мха. Я слегка прикоснулся к нему – он был мягким и приятным на ощупь, словно бархат. Как и все вокруг, он был ярко-зеленого цвета, поэтому сливался с фоном. Повсюду в огромном количестве росли грибы. Отчетливо помню, что их там было невероятно много. Опавшие листья облепили их маслянистые шляпки. Некоторые грибы как будто прятались в траве, боясь кого-то, и их было почти что совсем не видно. А некоторые наоборот – выросли на открытых местах и огромными красными шляпками словно хотели показать, что здесь хозяйничают они, и чужакам тут не место. Вспомнились японские гравюры, на которых грибы изображались как фаллический символ. Я улыбнулся. Мне представилось, что у каждого из этих грибов есть лицо. По некоторым читалась трусливость, но были лица и смелые, и строгие. Всеми чертами они говорили о крайне негативном отношении к вторжению.

Так я ходил около получаса, придумывал себе различные глупые образы типа грибов с лицами и просто любовался красотой окружающей природы. Я напрочь забыл, что хотел найти выход из этой чащи. Я шел так долго, что мне уже начало казаться, что я хожу по кругу. А когда я увидел тот же мшистый камень, то убедился в своих подозрениях окончательно. Тут меня охватило чувство тревоги. День постепенно клонился к закату, ранее легкий и теплый ветер теперь стал сильным и прохладным. Кроны зашелестели еще громче, а голоса птиц, наоборот, стихли. От сильного ветра стволы деревьев начали слегка раскачиваться и тихо скрипеть, но с каждым новым дуновением скрип становился все более зловещим.

Такая обстановка мне была уже не очень по душе, и я побежал... Побежал в том направлении, где, как казалось мне, должен быть выход из этого неожиданно ставшего мрачным леса. Я бежал, ноги утопали во мхе и совсем промокли. Я настолько забылся в мыслях о том, чтобы поскорее найти какой-нибудь населенный пункт или хотя бы дорожку, что сам не заметил, как

угодил в огромную нору. Она была так тщательно замаскирована в траве, что и внимательный человек вряд ли заметит.

Меня понесло куда-то вниз, как на горке в аквапарке, но по сравнению с аквапарком это было куда страшнее. И немудрено, ведь я несся на огромной скорости в темноте куда-то в недра земли, царапая руки и лицо о торчащие отовсюду камни и корни деревьев. Тут мне стало совсем дурно. На каждом крутом вираже перехватывало дыхание, но этот «полет» длился недолго. Вдруг вдалеке я увидел светлую точку, которая, как вскоре оказалось, была выходом из этого ужасного тоннеля. Вылетел я из него с криком, как будто падал с двенадцатого этажа, потому что в тот момент я еще не знал, куда я падал.

Приземление оказалось, к счастью, мягким, потому как я упал в такой же мох, в котором несколько мгновений назад утопали на бегу мои ноги. Я ощупал конечности – вроде бы все цело, ничего не сломал, но сильно ободрал кожу на лице и руках. Множественные ссадины сильно жгло, они словно горели. Я сел и посмотрел по сторонам. Точно так же, как и в самом начале этого бредового сна. Надо мной плыли огромные черные тучи, извергающие раскаты грома и молнии, накрапывал дождь, и было довольно темно. Я сидел в огромном поле, которому не было видно границ. Казалось, я попал в старое фантастическое кино про ученых, которые отправились в недра Земли на буровой машине и оказались в мире, где динозавры и прочие монстры пожирали людей. А люди те носили шкуры убитых зверей, как в доисторические времена.

Не понимая, куда я опять попал, я присел около минуты. Тут подо мной затряслась земля, как будто по ней шагал кто-то очень большой и тяжелый. Резко обернувшись, я увидел, что ко мне широкими грузными шагами из мрака приближается огромных размеров чудище. Внешне оно походило на лягушку – во всяком случае, морда у него точно была лягушачья. Шагало оно на мощных задних лапах, а передние были маленькие и короткие. Они бесполезно болтались, как у тираннозавра.

Когда монстр приблизился, я увидел, что его кожа блестит – то ли от дождя, то ли сама по себе. Кроме того, цвет у нее был темно-зеленый, но ближе к брюху переходил в желтоватый, как у нильских крокодилов. Отчетливо были видны все неровности кожи, местами проступали мерзкие волдыри.

Глаза у чудища были очень большие и смотрели немного в стороны, как у рыбы-телеоскопа. В общем, зрелище не для слабонервных. Когда земноводный гад увидел меня и издал душераздирающий рев, до меня дошло, что дальше восседать во мху опасно для жизни. Я вышел из оцепенения, резко вскочил на ноги и снова пустился бежать. Не важно было, куда – лишь бы не быть съеденным или раздавленным гигантской лапой этого чуда природы. Размером мутант был примерно с Кинг-Конга, поэтому убежать от него было не так просто. Но я не думал о таких мелочах. Просто бежал... Бежал, чтобы спастись.

Даже во сне я бегаю не очень хорошо. Вскоре ноги забились, и я начал уставать. Но бежал дальше, отрицая усталость и колющую боль в икрах. Я быстро дышал и бежал что было сил. Я представил, что это олимпиада, и нужно во что бы то ни стало получить золото. Я уже не мог различить, что было передо мной. Видел только рыжий цвет беговой дорожки, заполненные до отказа трибуны и линию финиша. Еще немного и я пересеку ее на огромной скорости. Соперники остались где-то позади, и у них уже не было никакого шанса обойти меня. Публика скандировала мое имя. Казалось, само небо радовалось моей приближающейся победе. Вот проходит еще пара секунд – и я пересекаю линию финиша, пробегая по инерции еще десяток метров. Падаю на колени, словно сраженный стрелой, и прорываюсь. Приснится же такое...

Санкт-Петербург, 2010

Весна столичная

Утро. Прошла та надоедливая пора, когда вылезать из-под теплого одеяла в остывший воздух было так тяжело и противно. Особенно противно было вставать затемно, затемно же возвращаться в холодный дом, проводя короткие световые дни в душных офисах. Теперь это все в прошлом! Тепло пришло, дождалось! Наконец-то! Пусть звон будильника все так же назойлив, но солнечные лучи, проскальзывающие в окно сквозь пышную листву каштанов, ласкают лицо, дарят радость. «Вставай, утро пришло!» – хором поют соловьи. Встаю... Тело пробуждается раньше мозга, но радоваться новому утру, новому солнцу, теплу пению птиц и цветам это не мешает вовсе.

Бреду на кухню, открываю окно. Нестерпимо хочется впустить весеннюю свежесть в поросшую зимней тоской квартиру. Стоит лишь руку протянуть – и вот оно, московское весеннее утро. В недвижимом воздухе медленно плывут клочья древесного пуха, доносится запах краски и что-то на таджикском. Слышу крики поездов метро и пригородных электричек. К воротам детского сада, что возле моего дома, подъезжают машины, из них выходят мамы разных возрастов с детьми. Птицы поют все залистее. Пора собираться... Но сперва завтрак.

Словно дервиши в мистическом танце, кружатся чайники в водовороте кипятка. Моюсь, бреюсь, ем быстро, но полезно. Идиллия весеннего утра сменяется традиционной спешкой. Вот уже и выходить пора, вот снова ключ застрял в скважине, вот я стремительно шагаю к метро по устланной все тем же таинственным пухом аллее. Все те же мамы разных возрастов ведут к воротам детского сада своих чад. Тороплюсь, в очередной раз ругаю себя за недосып и даже нервничаю немного, что ли. Но оглядываюсь по сторонам и вижу – жизнь, свет, перерождение, радость, просто радость. Просто радость простого городского весеннего утра.

Нырять в метро, из-за спины слышу звонкую мелодию турникета и свисток круглой женщины-контролера. Кто-то проскочил, не заплатив. Обычное дело. Чтобы перемахнуть через эти стародавние столичные турникеты, никакого паркура не надо. Не то что в Питере.

Пропотевший вагон несется к центру, публика читает желтую метрошную прессу, слушает какую-то синтетическую музыку, спит. Обстановка располагает к временному уходу в себя, куда и удаляюсь. За окном открытой Филевской линии – Москва-река, дом правительства, величественные советские многоэтажки. Машины спешат куда-то. Столица словно и не засыпала вовсе.

Бесконечные коридоры и переходы московского метрополитена заполняются людьми-улитками. Они еле волочат свои непомерно тяжелые раковины. Утром они спят, вечером – мертвецки устали. Летом их выматывает жара, зимой – сковывает холод. В общем, надо идти на обгон. В крайний левый ряд и вперед! На второй космической. Выдыхаю свободно уже на рабочем месте. Включаю режим «Рома клерк». До вечера!

Сегодня же пятница! Нет, я вовсе не забыл об этом, потому как настраиваться на пятницу начинаю еще в среду. Просто еще один повод для радости совсем не помешает. Стрелка часов переваливает за цифру шесть, режим «Рома клерк» автоматически выключается, и теплый весенний ветер наполняет легкие чувством свободы, смешанным с автомобильными выхлопами.

Перекрестки захламлины машинами. Изю дня в день все те же автомобилисты с остревелым упорством стоят все в тех же пробках, а все те же суицидально настроенные пешеходы все так же норовят броситься им под колеса или прокатиться на капоте. Удачи! И тем, и другим.

Пиво темное, пиво красное, разговор рекой, веселье и умиротворение в одном флаконе – пятничный вечер незаметно засасывает, так что на метро приходится уже если не бежать, то идти очень быстро. Снова турникет, снова звонкая мелодия и свисток, снова вагон, но теперь вокруг почти никого... Если не считать двух молодых индусов слева, двух девушек киргизской

наружности прямо напротив, мужчину-узбека по диагонали справа и нескольких чернокожих парней и девушек за стеклом в соседнем вагоне. Москва, Россия... Задумываюсь.

Поезда до моей станции уже не хватило, возвращаюсь в реальность. Не беда – от соседнего Парка Победы минут двадцать пешком. Выхожу на Кутузовский. Совсем стемнело. На Москву, к сожалению, не хватило белых ночей. Ровно как и корюшки, рек, каналов и разводных мостов. Зато машин хватило с избытком. По широкому асфальтовому полотну в обе стороны на больших и не очень скоростях неслись авто всех мастей. Вот проехало «голубое ведро». Не мигая. Заработался, похоже, слуга народа, домой спешит. Спешу и я, но пешком. По противоположной стороне проспекта тянется бесконечная вереница велосипедистов и роллеров. Молодцы, думаю. Иду, в окна домов заглядываю. А Джаред Лето поет мне:

We were the kings and queens of promise!

*We were the phantoms of ourselves!*²

Москва, 2011

---

² Мы были короли и королевы обещаний! Мы были призраки самих себя! (англ.)

Странная неделя

Странная неделя... Целых три раза критически проспал и опоздал на службу, что с выходом в министерство стало мне несвойственным. Мог бы сделать куда больше, если бы постоянно не отвлекался на всякую ерунду. А как не отвлекаться, когда начальника нет на месте.

Воспользовавшись небольшой передышкой в служебных делах, сделал перевод. Пара сотен лишними не будут. Отредактировал тезисы для конкурса научных проектов, написанные ранее. Интересно, пройдут ли они. Вспомнил о прошлой ночи, а именно о том, как совершенно невероятным образом оказался в постели у М. После игривых прелюдий нас подхватил ураган страсти. Она была неподражаема.

Люблю лето. Особенно за поздние закаты, за сладкий вкус прогретого вечернего воздуха. В настужь открытые окна столичной высотки падали последние лучи солнца. Они ложились на широкую мягкую постель, окрашивая ее в карамельный цвет. В них, словно в свете прожектора, было отчетливо видно, как в неподвижном воздухе парят пылинки и носится мошкара.

Наши тела, плотно прижатые друг к другу, вращались вокруг своей оси. Я плотно держал ее за руки, задираю назад ее голову, погружался глубоко, насколько возможно. Она хватала воздух широко открытым ртом, как будто выброшенная на берег рыба. Ее маленькая изящная грудь высоко вздымалась. Казалось, она задыхается. На улице шумно резвились дети, где-то лаяла собака. После громкого финала, с трудом дыша и обливаясь потом, мы рухнули друг подле друга. Я распластался, как морская звезда. Она легла на бок ко мне лицом, подложив руки под голову. Помню, как уставился в потолок и чуть было не провалился в другое измерение. Как Эван Макгрегор в фильме «На игле». Ее теплый взгляд скользил по моей коже. Она улыбалась.

Я проснулся. Обрывки сна в момент разлетелись во все стороны, словно тополиный пух на ветру. Об увиденном напоминал лишь каменный стояк. Невероятно, это был всего лишь мир грез. Здесь, в моем настоящем мире, серым небом меня встречало осеннее утро. Каштан уже пожелтел, по подоконнику робко постукивал мелкий дождь. Лето уже давно минуло. Воздух был холодным и сухим. Календарь показывал пятое октября.

Несмотря на непогоду, день прошел на мягкой волне, как после долгожданного качественного оргазма. Закончив работу, я быстро направился домой, перепрыгивая через лужи. Наскоро поел, собрал сумку, принял душ и снова вышел под дождь. Меня ждал поезд в Питер.

По пути нужно было непременно навестить Олю. Это уже традиция. Только недавно она вернулась из грандиозного путешествия в Перу и привезла охапку интереснейших историй. В гостях у Оли всегда уютно, особенно когда ее кот где-нибудь в отъезде. Тогда я не чихаю и глаза не чешутся. В этот раз помимо ярких впечатлений у Оли меня ждал испанский портувейн и вареная кукуруза. Первый раз в этом доме я оказался почти два года назад. Как быстро пролетело время.

Рассказы о Перу были настолько увлекательны, что незаметно для себя я начал опаздывать на поезд. Собираться пришлось быстро, быстро идти к метро и терпеливо сидеть в вагоне, ожидая прибытия на Комсомольскую. Терпеть не могу это ощущение. Оля вызвалась меня проводить, что было очень мило с ее стороны. Расстались у входа на станцию. Как всегда, тепло, по-дружески обнялись, обменялись добрыми пожеланиями. На поезд я, к счастью, успел. Даже пришел за десять минут до отправления.

Пока ехал в метро на вокзал, мне исполнилось двадцать семь. Вот вагон тронулся и начал медленно отползать от перрона. Я ехал в любимый Питер, где меня ждали любимые родители, друзья и балтийский ветер.

М. в этот день на работу не пришла. Интересно, почему...

Москва, 2012

Стамбул

Как-то раз меня спросили, почему я чаще путешествую на Восток, чем на Запад. А я и не задумывался об этом. Просто при любой возможности собирался и ехал, словно повинуюсь внутреннему зову. На сей раз вышло как в старом анекдоте про университетского профессора, которого студент спросил, куда он кладет бороду на время сна: под одеяло или на него. Вот и я, совсем как тот профессор, с ходу даже не нашел, что ответить заинтригованной собеседнице. Пришлось подумать.

Испокон веков западный человек прокладывал дороги на Восток. Он активно торговал, обменивался научными знаниями, вел миссионерскую деятельность, воевал. Сегодня же несравнимо большие массы людей перемещаются через границы этого обширного этнокультурного ареала, раскинувшегося на просторах от атлантического побережья Африки до далеких тихоокеанских островов, от степей Средней Азии до южной оконечности Индостана.

В тех краях ждут древние традиции и экзотическая самобытность. Однако неведомые сферы жизни таинственных восточных обществ, манящие западного путешественника, нередко соседствуют с неповоротливостью государственной машины. Ей, в свою очередь, неминуемо сопутствуют бедность, преступность, голод, разруха, антисанитария и другие пороки, не говоря уже о проблеме низкого качества обслуживания. Последнее для многих туристов наверняка играет решающую роль при выборе очередного маршрута. И в этом они, конечно, по-своему правы. Ведь на нашей планете множество мест, где клиенту не нужно ни о чем беспокоиться, ему непременно будет предложено все, что он ищет в поездке. В первую очередь – достойный сервис, чистота и порядок. За надлежащую плату, конечно.

Быть может, одни устали от европейской стерильности, предсказуемости и мечтают окунуться в «отсталость и первобытность». Другие, наверное, ищут возможности лучше понять себя и свой «домашний» мир, наблюдая и анализируя непривычную среду. Третьи, по-видимому, используют любой повод поохотиться за новой порцией свежих и острых ощущений. Есть наверняка и те, кто всего лишь гонится за количеством отметок на карте, печатей в паспорте и сувенирных магнитов на холодильнике. Для себя же найти ясный ответ мне так и не удалось.

Прокручивая воспоминания о былых странствиях, отчетливо ловлю себя на мысли о том, что самые яркие и теплые из них были связаны именно с миром традиций Востока. И в очередной раз убедиться в постоянстве и верности своих страноведческих пристрастий мне довелось в городе, лучше которого, кажется, для таких экспериментов не найти. Было это в Стамбуле.

Не зря говорят: «Как корабль назовешь, так он и поплывет». Если же корабль переименовать, то вполне вероятно, что от этого линия его судьбы обретет новые повороты. Именно такая доля выпала этому удивительному городу. За долгое время своего существования Стамбул успел побывать Византием, Константинополем, а в русских летописях – еще и Царьградом. Суровые ветры истории изрядно помотали его в океане фатума. Менялись империи и правители, за поражениями приходили победы, подъемы оборачивались упадком и наоборот.

Если абстрагироваться от богатейшего исторического и культурного наследия, придворных интриг, кровавых войн и прочего эксклюзивного наполнения, Стамбул, похоже, всегда был, есть и, надеюсь, еще не одно столетие будет источником мистических вибраций, на которые отовсюду слетаются люди. Во всяком случае, сложно представить себе иное, когда прогуливаешься в солнечный полдень по улочкам этого многогранного, загадочного, уютного и добродушного города, раскинувшего свои сети в месте слияния залива Золотой рог, Мраморного моря и пролива Босфор.

Любопытный факт: города-порты, равно как и города, находящиеся на пересечении сухопутных торгово-транспортных путей, имеют характерный облик. Он отличает их от обычных

внутриконтинентальных поселений. Нескончаемые потоки людей, несущих с собой язык, культуру, знания и кровь, веками обтачивали контуры этих цивилизационных форм, выводя причудливые образы. Одним из плодов столь сложных и долгоиграющих превращений и стал Стамбул. Он впитал ароматы восточных пряностей, перенял формы Запада, связал гигантскими мостами Европу и Азию. В этом пестром, душистом вареве и зародилась его уникальная притягательность.

Тринадцатимиллионный город приходит в движение на заре, когда сонное безмолвие взрывает пронзительный призыв к молитве. Из мечетей, разбросанных по холмам и набережным Второго Рима, разносятся голоса муэдзинов. Они заглушают все вокруг, даже рев автомобилей. Не говоря уже о человеческой речи и других более тихих звуках. Сливаясь в один поток, восхваления Аллаха разлетаются над водной гладью и ускользают на крыльях чаек в дымку – навстречу силуэтам грузовых судов, прибывших из дальних морей. На мощеные улицы выползают трамваи, на маршруты выходят автобусы, повсюду мелькают такси цвета яичного желтка. В Золотой Рог и Босфор выдвигается флотилия прогулочных пароходов, паромов, катеров, лодок. Между острыми иглами минаретов смотрит солнечный диск, а над жженой черепицей крыш проносится стая голубей.

В многоликой толпе по улице Янычар во все концы спешат студенты, клерки, торговцы и прочий люд. Черные головы мужчин и женщин сияют в лучах солнца. Большинство из них, как мне показалось, одеты скромно (в том смысле, что не вычурно) и опрятно. Не могу сказать, чтобы чьи-либо наряды бросались в глаза. Особенно это касается женщин. Стамбул хоть и называют светским городом, половина турчанок все же носит хиджабы, платья в пол и другие предметы традиционного гардероба. Кстати, женский головной убор имеет бесчисленное множество расцветок и узоров. Он дает возможность хоть как-то выразить себя в одеянии.

В поисках заработка бродит из стороны в сторону пожилой чистильщик обуви, волоча грузный деревянный ящик с арсеналом тюбиков гуталина и щеток. Другой мужчина с седой бородой, чертами напомнивший мне Садама Хусейна, продает большие турецкие флаги. Владелец лавки кожаных изделий, наоборот, может позволить себе расслабиться. Он сидит на маленьком стуле возле входа в свой магазин и с любопытством разглядывает прохожих. Тут и там неуверенно топчутся группы пассажиров круизных лайнеров. В общем голосе толпы помимо музыки турецкого языка слышится также итальянская, немецкая и английская речь. Конечно же, не обойтись и без нашего «давай-давай».

Оживает муравейник большого базара. За Галатским мостом, со стороны района Каракёй, старинные дома прижимают к парапетам компактный рыбный рынок. Тут возле прилавков суетятся рыбаки в черных нейлоновых передниках. Ровными рядами они раскладывают серебристые дары моря, обливают их водой из шлангов и зазывают покупателей, перекрикивая друг друга. На другом берегу, возле Новой мечети, отворяет ворота Египетский базар. Пестрые ковры, разноцветные специи, серебро и золото – от разнообразия красок рябит в глазах. У пристани прямо с лодок идет бойкая торговля запеченной на гриле свежей рыбой с привычным нашему уху названием «балык», уложенной в мягкий белый хлеб с хрустящей корочкой. В соковыжималках с треском взрываются алые гранаты, выпуская струи вязкого сока. От желтых початков вареной кукурузы поднимается сладкий пар.

Люди – простые прохожие, продавцы в уличных лавках и магазинах – пленяют дружелюбием и открытостью. Нет мелочи на порцию мидий – не проблема: хоть и не слишком разговорчивый, но добродушный рослый турок предложит занести деньги «завтра» и протянет желаемое угощение. Сосед по столику в кафе поведаст о своей судьбе и тяготах жизни. Хозяин салона ковров проведет экскурсию по своим владениям, рассказывая о специфике различных цветов и узоров, а на прощание посоветует, где следует отведать настоящий турецкий кофе. Если же угораздит попасть под проливной дождь и придется переждать его на остановке, есть все шансы оказаться вовлеченным в беседу с кем-нибудь еще из горожан, оказавшихся

в аналогичной ситуации. Так или иначе, бродя по стамбульским улицам, следует быть всегда готовым принять роль отзывчивого собеседника или внимательного слушателя – обязательно узнаешь что-нибудь интересное из биографии рассказчика и, конечно, неведомых красотах Стамбула, которые непременно стоит увидеть. Такие места идеально подходят для тех, кто любит общаться с местными и погружаться в жизнь города.

При всей видимой энергичности и напористости, в многоголосой, разноцветной толчее среди стамбульцев можно расслабиться и спокойно плыть по течению, сворачивая с одной улицы на другую. Для жителей этого города потолкаться на узких тротуарах или в бесконечных лабиринтах базара – своего рода способ общения.

От нескончаемой сутолоки можно отдохнуть в парке Гюльхане, что возле дворцового комплекса Топкапы. Здесь обычно малолюдно, и в тени высоких ветвистых платанов, у источника прохлады фонтана приятно перевести дух, переваривая свежие яркие впечатления. Для этих же целей отлично подойдет мечеть Сулеймание, затаившаяся в тихом квартале на вершине холма прямо за Стамбульским университетом. Ее двери, как и в случае со многими другими мечетями, открыты и для гостей иных вероисповеданий. В специально отведенной зоне посетители могут свободно расположиться на мягком ковре, понаблюдать за молящимися, полюбоваться изящной простотой внутреннего убранства и восстановить силы после длительной прогулки.

Каждый город пахнет по-своему, неповторимо. Стамбул в этом смысле неповторим вдвойне. Он просто дышит буйством запахов, приправленных соленым бризом. Они впиваются в каждую его стену, в каждый кирпич, и навсегда врезаются в память. Морская тина, свежая рыба, жареные каштаны, кунжут, вареная кукуруза, гранат, апельсин, кофе, пряности и многое другое всюду следуют по пятам.

Возле ограды мечети стоит улыбчивый старичок в причудливой матерчатой шапке. Подле него – портативный стол, увешанный по бокам четками и уставленный стеклянными сосудами с разноцветной жидкостью: от бирюзовой до ярко-красной. Надписи на бутылочках гласят: кедр, сосна, ваниль, корица, лимон и т. д. Это ароматические масла, все можно понюхать, а понравившееся приобрести за небольшие деньги. Продавец, лопоча что-то по-турецки, выкачивает из бутылки при помощи специального шприца нужный объем и вольтет его во флакон с шариком (на выбор есть флаконы большие и маленькие). В этих сладких запахах читаются нотки далеких морей и колониальных войн.

Время от времени обоняние улавливает сочащийся на улицу дурман наргиле-кафе, где задумчивые потомки степных воинов неторопливо пожевывают мундштуки, выпуская под потолок клубы густого молочного дыма. В колбах булькает вода. Воздух насыщен сочными ароматами яблока, дыни, винограда, мяты. Кто-то обсуждает житейские дела, кто-то смотрит трансляцию матча национальной футбольной лиги по телевизору, установленному на стене. В лавке сопутствующих принадлежностей, спрятанной в глубине заведения, колоритный бородатый эфенди нахваливает иранские табаки. Между длинными рядами курящих – преимущественно мужчин – снует чернявый юнец, чертами похожий на цыгана. У него в руке металлическая корзина с раскаленными углями и щипцы. Он внимательно следит за тем, чтобы у всех посетителей всегда было чем раскуриться. Его коллега, плотный темнокожий мужчина высокого роста, изящно курсирует теми же путями, разнося гостям свежераскуренные кальяны.

По гигантской аэродинамической трубе Босфора с севера, из Черного моря, налетает резкий ветер. Прежде ясное небо заслоняют серые тучи, норовя окропить бранные головы остужающим ливнем. Местами прорываются солнечные лучи, они падают вниз и разбиваются на тысячи осколков о темно-синюю твердь. Одинокая чайка высматривает добычу, медленно взмахивая крыльями у самой воды. Как тут не вспомнить о неосуществленной имперской мечте – Андреевском стяге над проливами.

Севернее районов Кабаташ и Бешикташ, слева по ходу движения виднеется грандиозное переплетение башен и стен османской крепости Румелихисары, возведенной в незапамятные времена завоевателями для взятия Константинополя. Она спускается с высокого зеленого холма к самому берегу, вдоль которого сегодня пролегает автомобильная дорога, соединяющая центр с новыми, фешенебельными частями города. Плотность застройки здесь значительно меньше. Вдоль живописной набережной выстроились ряды десятков яхт и катеров разных цветов и форм. Одни безупречно белые, другие – пестрые, как тропические рыбы. Они безмятежно раскачиваются на мелких волнах, расходящихся в стороны от бортов нашего теплохода. С обоих берегов Босфора смотрят ухоженные фасады аристократичного вида домов и особняков. Их формы, линии и цвета представляют собой удивительный синтез восточной импульсивности и западной симметрии.

Между двумя континентами протянулась длинная дуга вантового моста. Проплывая под ним, невольно дивишься инженерному гению, поднявшему в воздух в сейсмоопасной зоне гигантскую конструкцию. Предаваться этому детскому удивлению еще приятнее за стаканчиком крепкого турецкого чая. Напиток этот на вкус самый обычный, но традиционная тюльпановидная форма стакана и виды вечернего Босфора делают чаепитие особенным.

На стыке районов Кабаташ и Бейоглу раскинулась площадь Таксим. Здесь вас встретит целеустремленный реформатор Мустафа Кемаль, известный как «Отец всех турков»³. Скульптурная композиция, в которой, кстати, нашлось место Клименту Ворошилову и Михаилу Фрунзе, символизирует единство Атаюрка с турецким народом в построении республики. Собственно, монумент так и называется – «Республика».

Достаточно пройтись по улицам Стамбула, чтобы проникнуться уважением к вождю нации и вспылать желанием поближе ознакомиться с его биографией. Военный атташе в Софии, военачальник в Первой мировой войне, в войнах с Арменией и Грецией, основатель Республики и инициатор целого ряда социально-политических реформ – вот лишь несколько вех из жизни этого незаурядного человека.

Словно икона в красном углу, лик Атаюрка украшает помещения магазинов, закусочных, обменных пунктов, овощных лавок и т. д. Он хитро улыбается с банкнот турецких лир, пристально смотрит на потомков с разнообразных флагов, растяжек, сувенирных футболок и обложек книг. Нередко встречаются изображения сцен активной жизни Отца нации: Атаюрк с рабочими, Атаюрк с крестьянами, Атаюрк с детьми. Неизменно статный, представительный, каким и подобает быть вождю. И раз его образ вот уже полвека массово тиражируют и преданно поклоняются ему, это может говорить только о величии оставленного им наследия.

Подобно тому, как гранитные набережные Петербурга стережет армия львов, Стамбул отдан под опеку кошкам. Рыжие, черные, белые, серые, пятнистые и полосатые, они вальяжно гуляют по улицам и без всякого стеснения заглядывают людям в глаза, словно напоминая, кто тут на самом деле хозяин. Собаки же, наоборот, как будто целыми днями только и делают, что спят или просто валяются на земле, уставившись куда-то в пустоту.

От площади Таксим вниз по холму уходит многолюдная пешеходная улица Истикляль. На ней расположены магазины всемирно известных марок одежды, различные кафе, рестораны, бары и прочие заведения. Тут и уличные музыканты, и слоняющиеся без дела подростки, и исполнители каких-нибудь номеров, и одиночные пикетчики. Сквозь человеческую массу застенчиво пробирается старомодный трамвай, звоном разгоняя зазевавшихся пешеходов. Напомнило московский Арбат, только гораздо масштабнее. Глядя на нескончаемый людской поток, может показаться, что он никогда не спадает. Самый известный турецкий писа-

---

³ Мустафа Кемаль Атаюрк (1881—1938) – турецкий государственный деятель, военачальник, первый президент Турецкой Республики, основатель современного турецкого государства – *Здесь и далее примечания автора.*

тель современности Орхан Памук в мемуарах будто описывал совсем другой город – унылый и обезлюдевший.

Кстати, о Памуке. Если свернуть с самой Истикляль, гомон толпы стихает, и оказываясь в безмолвном царстве старых кварталов и антикварных лавочек – настоящее раздолье для любителей порыться во всяком старье, покрывшемся патиной лет. Прямо над головой сушится белье. Из-за густой листвы появляется бело-голубой греческий флаг, в вечернем безветрии повисший над входом в генеральное консульство Греции. Тут гуляют молодые люди, внешним видом напоминающие художников и дизайнеров, – стамбульские хипстеры. Они же засиживаются в маленьких кофейнях, читают книги на европейских языках или что-то обсуждают друг с другом. Старинные стены домов наверняка помнят цоканье каблуков красивой турчанки. Когда-то давно она проходила тут, направляясь куда-то по делам. Она вела за руку маленького сына и наверняка даже помыслить не могла, что ему суждено было стать мэтром турецкой литературы нового времени. Невольно возникает предчувствие, будто за следующим поворотом лицом к лицу столкнешься с самим писателем, бережно собирающим по закоулкам в затертый кожаный портфель сюжеты для очередного романа.

Там, где улица Истикляль сужается и разветвляется на несколько улочек, над нагромождением домов возвышается Галатская башня. Раньше это была каланча, с которой следили, не разгорается ли где пожар. Сейчас там смотровая площадка, ресторан и ночной клуб. Чтобы попасть наверх, скорее всего, придется выстоять в очереди как минимум минут сорок, но это того стоит – вид с нее открывается прекрасный. Красные крыши, бежевые стены, синее море и белые пароходы. В самом низу – миниатюры машин и людей, где-то вдоль стены прогуливается кошка. На одной из крыш на раскладных стульях сидит маленькая компания друзей, любясь красками заката. На другой крыше работает открытое кафе, мелькает между столиками официант. Эту пеструю мозаику можно разглядывать часами, вылавливая каждую деталь, каждую мелочь.

Покидать этот волшебный город приходится с сожалением от того, что не успел все увидеть, побывать во всех его заповедных местах. В качестве лучшего сувенира на память увез с собой непреодолимое желание возвращаться снова и снова, к этим закоулкам и набережным, и, воображая себя Лоти⁴ или Бродским⁵, предаваться любованию медленным течением времени за столиком уютного кафе где-нибудь у моря.

Москва, 2012

---

⁴ Пьер Лоти (настоящее имя Луи Мари-Жюльен Вио, 1850—1923) – французский морской офицер и писатель, известный романами из жизни экзотических стран

⁵ Иосиф Александрович Бродский (1940—1996) – русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик, педагог. Среди прочего написал эссе «Путешествие в Стамбул» (1985).

В поисках британского форта

Сегодня совершили небольшое путешествие к северу от Гоа – в штат Махараштра. Нашей целью было посещение старинного британского форта Реди с последующим заходом на Королевский пляж (Royal Beach).

Граница между штатами Гоа и Махараштра пролегает по реке Терекхол, полноводной и местами довольно широкой. Местные власти вот уже почти десяток лет пытаются построить через нее мост, чтобы упростить сообщение между штатами, но, по-видимому, пока строительство идет медленно. По-индийски медленно («мэйби туморроу, май фрэнд»), мост ветшает, и приходится отходить на шаг назад в сложном технологическом процессе. В общем, в отсутствие моста единственной переправой служит паром, курсирующий в одном из узких мест реки. Как раз там, где идет стройка.

Добрались мы до этого места довольно быстро. Выехали после обеда большой компанией. Две местные Марины возглавили нашу колонну на общем мопеде. Ради веселья и эпатажа они нацепили ярко-зеленые парики, которые, ко всему прочему, служили остальным своеобразным путеводным знаком. Миновав оживленный и запруженный автотранспортом населенный пункт Арамболь в северной оконечности Гоа и уйдя по главной дороге чуть восточнее, мы прибыли в указанную точку.

Небольшой паром курсирует от берега к берегу каждые десять-пятнадцать минут по мере наполнения, а наполняется он достаточно быстро, так как вмещает лишь несколько легковых автомобилей, пару десятков мопедов и мотоциклов. Оставшееся пространство заполняют люди. Как выяснилось позже, аналогичные плавсредства функционируют и на других реках Гоа, и даже, возможно, по всей Индии, ведь гораздо проще запустить их, чем строить мосты. Как мне показалось, среди пассажиров около двух третей составляли аборигены. Остальные – иностранцы: кто на мопедах, кто на такси.

Сама переправа занимает не более семи минут. Сойдя на берегу Махараштры, мы оказались в совершенно ином мире. Но это стало понятно позднее. Пока мы стояли на дороге, уходящей от реки вдоль пустыря, который, похоже, был подготовлен к строительным работам.

– Хэлоу, сэр! Айскрим?

На том берегу путников встречала пара белозубых, но чумазых и бедно одетых парней на обшарпанных велосипедах. К багажникам были прилажены белые пластиковые боксы. Судя по предложению, с мороженым. Они ходили от одного к другому и предлагали свой товар, привлекая внимание велосипедным звонком. Уже имея далеко не самый удачный опыт знакомства с местными молочными продуктами, при всем желании не стал бы рисковать. Да и не до этого было. Наша колонна двинулась дальше в путь, нужно было догонять, не теряя при этом из вида Матвея. Кажется, он впервые сел на мопед, и сразу на оживленной гоанской дороге. Вспоминая собственное аналогичное приключение на Бали чуть более года назад, где движение было куда более интенсивное и опасное, с пониманием воспринимал его медлительность и особо не гнал, ведя его за собой. Своих не бросаем.

Вообще ехать по индийским дорогам со скоростью выше пятидесяти километров в час не просто рискованно, а опасно для жизни. Повсюду крутые повороты, спуски и подъемы, огромных размеров самосвалы, мчащиеся по узкой дороге навстречу с устрашающим грохотом. Наконец, коровы и собаки, внезапно появляющиеся из придорожных зарослей, не говоря уже о пешеходах. Тротуаров и переходов там нет и в помине, поэтому люди идут по проезжей части, прижимаясь к обочине. В темное время суток риск возрастает многократно, поскольку подсветка на протяженных участках дороги между населенными пунктами не предусмотрена.

В Гоа, несомненно, тоже хватает диких мест, хотя штат и небольшой (вернее, самый маленький в Индии). Поскольку до настоящего времени мы не покидали границ туристической зоны, увиденное в Махараштра по пути к форту очень впечатлило. Аутентичные деревни, узкие разбитые дороги, пролегающие мимо школ и пастбищ, повозки, груженные большими связками длинных стеблей бамбука, дымящиеся костры, многочисленные буйволы и коровы, валяжно прогуливающиеся повсюду или отдыхающие в тени развесистых пальм. Как известно, корова – священное животное в Индии. Правда, я не совсем понял, какая именно, поскольку насчитал около пяти видов этих животных. Если же живой идол изволит встать прямо на дороге, никто не вправе ее прогонять. В результате даже может образоваться небольшая пробка. Вот тогда нетерпеливые водители выходят из автомобилей и пытаются аккуратно вытолкать корову с дороги.

В нос ударяли различные запахи, что типично для деревни, особенно индийской. Гладкий асфальт сменился бесчисленными ямами и буграми. Где-то дорога вообще была грунтовой. Грузовики, шедшие нам навстречу, поднимали облака красной пыли. На одном из таких участков Матвей, которого я пропустил вперед себя, не справился с управлением и прямо у меня на глазах буквально лег на бок вместе с мопедом. Я тут же остановился, подскочил к нему и вынул ключ из зажигания, так как двигатель продолжал работать, заднее колесо крутилось. Драматизма ситуации добавили пара легковушек и очередной самосвал, как назло появившиеся по обе стороны от нас. Мы быстро подняли мопед и откатали его в сторону, чтобы освободить проезд. Спустя несколько мгновений дорога опустела. Были только мы, осматривали потерпевшего и его транспорт. Слава Богу, скорость у нас всех там была совсем низкой ввиду плохого покрытия, поэтому обошлось без серьезных травм. Начинаящий водитель всего лишь немного ободрал локоть и колено. Его железному пони повезло меньше: разбился передний левый поворотник, на корпусе царпины, за которые впоследствии пришлось заплатить прокатчику. В общем, все как и подобает «боевому крещению».

Мы воспользовались образовавшейся заминкой, чтобы перевести дух. Наши зеленоволосые проводницы сказали, что еще немного – и будем на месте. Через некоторое время я заметил, что один из нас, Вадик, находившийся на значительном удалении впереди меня, притормозил и подъехал к обочине. Когда мы с Матвеем приблизились к нему, все сразу стало понятно. Прямо у обочины стояла большая сельская школа, и Вадик, весь в черном, проезжая на своем мотоцикле мимо, словно герой боевика, был восторженно встречен детворой и остановился пообщаться с ней. Предполагаю, что особый фурор он произвел в тот момент, когда снял свою черную кепку, обнажив сверкающую в солнечных лучах лысину. Школьники, одетые в серо-коричневую форму, как раз резвились во дворе и на крыльце здания, и, увидев большого белого человека на железном коне, похоже, подлетели к нему поклянчить денег. Потому что именно тогда, когда мы с Матвеем подъехали к нему, Вадик уже надевал кепку и со словами «Ноу мани! Ноу мани!» тронулся с места. Остальные поехали за ним.

По мере приближения к цели дорога становилась все уже и, в конечном счете, превратилась в лесную тропу. Но ее ширины было вполне достаточно для проезда небольшого легкового автомобиля, не говоря уже о двухколесных транспортных средствах. На маленьком пятачке, где мы остановились, были припаркованы еще несколько мопедов и пара миниатюрных такси. Стоило нам спешиться, как тут же, откуда ни возьмись, появилась группа молодых туземцев, смуглых, словно шудры. Этим словом, кстати, наверное, можно пугать детей: мол, не будешь мыться – будешь черным, как шудра. Один из них – по-видимому, предводитель шайки – на индийском английском заявил, что «парковка» тут, видите ли, платная. Стояли мы на самой обычной дикой лесной тропе в окружении джунглей, поэтому заявление этого амбициозного парня звучало более чем абсурдно. После непродолжительной неагрессивной перепалки с мошенниками (иначе их не назвать) было принято коллективное решение все-таки дать им хоть какую-нибудь мелочь, чтобы они отстали и не решили, чего доброго, проколоть нам

шины. Это вполне могло произойти, даже несмотря на их внешнюю незлобливость. По завершении финансовой операции лидер группировки осветил нас довольной белозубой улыбкой, контрастно выделяющейся на смуглом, словно измазанном сажей, лице, и вместе с молчаливыми коллегами удалился в неизвестном направлении. Больше мы их не видели.

Дальнейший путь к форту пролегал через джунгли, среди неизвестных пород деревьев. Я представлял себе, что форт стоит на открытой местности и виден целиком. Наверное, так и было, но давно, поскольку на деле выяснилось, что за более чем половину века запустения власть над этим оборонительным сооружением целиком взяли в руки-корни многочисленные баньяны, банан и прочие неведомые агрессивные представители местной флоры.

Форт Реди – лишь одно из множества укреплений, коими усеяно побережье штата Махараштра, некогда бывшего владением британской короны. И наверняка не только его. Когда-то давно тут кипела жизнь. Вокруг сновали английские солдаты, через специально оборудованную широкую арку проходили слоны, нагруженные боеприпасами, провиантом и другими разнообразными товарами, на вышках часовые неизменно несли вахту, а временами, когда случались вооруженные столкновения, из бойниц непробиваемых стен вырывались огненные струи мушкетных выстрелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.